
Харальд Берг
Арена Клинков
Варварский Билд
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Харальд Берг

Арена клинков. Варварский билд

https://litres.ru/74937689
SelfPub; 2026

Аннотация

В заснеженном киберпанк-Мурманске девятнадцатилетний парень с окраин по кличке Рефур и его друг Дэн случайно становятся свидетелями бандитской расправы на причале. Вместо пули они получают битые терминалы запрещённой «Арены Клинков» и огромный долг перед местным криминалом. Чтобы выжить в подпольных боях, Рефуру придётся побеждать упакованных бойцов с помощью слабейшей фракции голых дикарей — и выяснить, почему его сломанной доской всерьёз заинтересовалась норвежская мафия.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Харальд Берг
Арена клинков. Варварский билд

Глава 1

Зима в Мурманске — это не красивая сказка со снежинками, а затяжная полярная ночь, когда небо похоже на грязную оцинкованную крышу, а ветер с Кольского залива пробивает любую синтетику. Снег здесь серый от угольной пыли, вперемешку с реагентами и замерзшим мазутом. Я шел по нему второй час, и старые кроссовки промокли еще на подходе к промзоне, так что каждый шаг отдавался в пальцах глухим, тупым холодом.

В Росту мы пробирались низом, вдоль железнодорожной ветки, по которой когда-то гоняли составы к судоремонтному заводу. Рельсы давно заросли льдом, между шпалами лежали куски битого бетона и замерзшие тряпки, а над путями торчала покосившаяся опора контактной сети с обрывком провода, похожим на ржавую плеть. Дальше начинались цеха: длинные коробки из бетона и профнастила, с выбитыми стеклами и черными провалами ворот. Часть из них еще работала, и оттуда тянуло горячим металлом и сварочной га-

рью, часть стояла мертвой уже лет десять, и в этих мертвых коробках по ночам жгли костры бомжи и пацаны с окраин.

— Костыль, блядь, не сопи так громко, — прошептал я, вжимаясь спиной в обледенелый бетон бывшего судоремонтного цеха в Росте. — У тебя этот шарнир скрипит, как несмазанная телега. За версту слышно.

Дэн, которого все на районе звали Костылем, сидел на корточках рядом и растирал левое бедро. Ниже колена у него стоял старый, списанный еще лет пять назад модульный протез — дешевая механика без нормального подогрева. На минус двадцати пяти гидравлика в нем густела, и при каждом шаге пластик противно пощелкивал. Я знал этот звук лучше, чем собственное дыхание: короткий сухой стук, потом еле слышный визг сервопривода, потом опять стук. На льду Костыль старался наступать на левую ногу помягче, но получалось у него плохо.

— Сам ты телега, Рефур, — огрызнулся он, натягивая поглубже засаленную шапку, из-под которой на затылке виднелся грубый шрам и старый, уже окислившийся по краям разъем нейропорта. — У меня фильтр забился, а на нормальную смазку денег нет. Ты сам-то зубами стучишь так, что пломбы вылетят.

Я прикусил губу и ничего не ответил. Зубы действительно стучали, и не от страха, а от холода, который забрался под куртку и сидел там, как хорек, обняв ребра. Мы стояли на бетонном пятачке за цехом, отгороженном от причала ржа-

вым контейнером с облупившейся надписью «Северный рыбзавод», и смотрели вниз, на черную воду. Лед у берега уже встал, но дальше, за кромкой, залив дышал и шевелился, и от него тянуло сыростью и мазутом.

На районе меня звали Рефур — «лис» по-исландски. Имя Эрик досталось от отца, военного моряка со шведского торгового судна, который свалил в рейс еще до моего рождения, оставив моей матери только пару крон и пустые обещания. Фамилия — ее, Морозов. Обычная, северная. Мать пахала крановщицей в порту, пока не сгорела от двусторонней пневмонии три года назад — на нормальные антибиотики и частную клинику денег у нас тогда не было, а в районной больнице развели руками. А кличку прилепил старый исландский тралмастер в порту, где я пацаном таскал ящики за копейки — за рыжеватый отлив волос, хитрую рожу и привычку выкручиваться из любой жопы, когда остальные уже получали по почкам.

Нам было по девятнадцать. Обычная шпана с окраин, без нормальной работы, без прописки в нормальном секторе и без шансов вылезти из этой дыры. Вся наша «кибернетика» сводилась к бэушным портам в затылках, которые ставили в подпольных клиниках за бутылку и пару тысяч рублей, да к Дэновской ноге. Никаких тебе хромированных рук или встроенных пулеметов — только хронический бронхит, дешевый снюс и вечный поиск, где бы срубить бабла до конца месяца.

Сегодняшняя тема казалась верняком. Местный барыга по кличке Гусь слил инфу: на заброшенном причале за рыбным портом ночью будет сброс. Курьер одной из логистических контор должен был оставить в тайнике кейс с немаркированными нейроконтроллерами — серый импорт, который на черном рынке уходил влет. Наша задача была тупой и простой: дождаться, пока курьер уедет, забрать сумку, скинуть Гусю за полцены и месяц жить по-человечески. Без мокрухи, чисто на ногах уйти.

— И сколько этот Гусь нам даст? — прошептал Дэн, не прекращая растирать бедро. — Если там правда ящик контроллеров, это же не меньше сотки на двоих.

— Двадцать пять, — сказал я. — Он свои проценты всегда зажимает.

— Двадцать пять тысяч? За такую тему?

— За такую тему, Костыль, хорошо, если он нам по пятнашке кинет и спасибо скажет, что не стукнул ментам. Гусь не тот человек, с которым торгуются два сопляка с Росты.

Дэн шумно выдохнул сквозь зубы и снова уставился на причал. Я присел рядом, засунул руки глубже в карманы и принялся ждать. Ждать всегда было самым поганым. Пока идешь, пока шевелишься, пока что-то делаешь, холод отступает хоть на шаг. А когда сидишь на корточках за ржавым железом, время тянется так, будто его кто-то нарочно растягивает.

Внизу, у самой кромки черной, парящей на морозе воды,

зажглись габариты. Подъехал старый, лифтованный «УАЗ» с заклеенными грязью номерами. Он катился медленно, почти беззвучно, фары не включал, и я сразу понял, что никакой это не курьер с сумкой нейроконтроллеров. Курьеры так не ездят. За те две недели, что мы готовили эту тему, я успел изучить повадки всех местных бегунов, и ни один из них не стал бы гасить свет на открытом причале.

— Тихо, — шепнул я, выглядывая из-за ржавого контейнера. — Это не наш.

Из «УАЗа» вышли трое. Одеты обычно, без понтов: тяжелые зимние бушлаты, балаклавы, поверх черные разгрузки с подсумками. Никакого пафоса, только рабочая грязь, и от этой обыденности мне стало хуже, чем от любого золотого хрома. Такие не разговаривают и не пугают. Такие приезжают, делают дело и уезжают.

— Где курьер? — тихо спросил Дэн, щурясь. Его пальцы впились мне в плечо, и я почувствовал, как они дрожат.

— Какой, нахуй, курьер, — выдохнул я. — Молчи и не двигайся.

Вместо курьера двое открыли заднюю дверь и выволокли наружу мужика в расстегнутой куртке. Он не сопротивлялся, только перебирал ногами, пытаясь удержаться на обледенелом бетоне, и мычал через скотч, которым был заклеен рот. Руки у него были стянуты пластиковым хомутом за спиной, и на запястьях уже темнели полосы от того, что он рвал их всю дорогу. Мужик был не местный, это я понял сразу: не

наша одежда, не наша обувь, слишком чистые штаны.

Третий, самый низкий, молча подошел, достал из-под полы обрез двустволки и выстрелил мужику в колено. Не сказал ни слова, не спросил ничего, просто поднял ствол и выстрелил.

Звук на морозе был резкий, сухой, как удар кувалдой по рельсе. Мужик рухнул в грязный снег, выгнулся дугой и заорал так, что даже сквозь скотч было слышно, а потом вдруг замолчал и обмяк. Низкий переломил обрез, выбросил гильзу, вставил новую и, не торопясь, подошел ближе. Мужик в это время пытался подтянуть к себе раздробленную ногу, будто мог ее собрать обратно. Низкий посмотрел на него, чуть наклонив голову, и выстрелил второй раз, в голову.

Снег под телом сразу потемнел, а в воздухе повис сладковатый, горячий запах, который я потом еще неделю чувствовал в собственной квартире.

У меня в животе все мгновенно сжалось в ледяной комок. В ушах зазвенело. Гусь нас подставил, или мы нарвались на чужую разборку — плевать. Надо было рвать когти.

— Валим, — выдохнул я. — Тихо, назад, за ангар!

Мы рванули вдоль стены, пригибаясь, скользя по наледи и цепляясь за выступы бетона. Я слышал, как за спиной Дэн хрипло дышит и как под его левой ногой пощелкивает и визжит протез, и молился про себя, чтобы этот звук утонул в шуме ветра. Ветер, как назло, стих. Залив стоял черной стеклянной плитой, и в этой тишине каждый шаг был как удар

в бубен.

Дэн в панике забыл, что на левую ногу нельзя резко опираться на льду. Замерзший шарнир не сработал, протез соскользнул с обледенелой арматуры, и Костыль со всей дури грохнулся на бетон, сбив плечом лист ржавого профнастила.

Грохот стоял такой, будто обрушилась крыша. Лист с лязгом загремел по бетону, отскочил, покатился и врезался в контейнер, и этот звук разнесся над причалом, как выстрел из пушки.

— Стоять, суки! — заорали снизу.

Луч мощного фонаря ударил нам в спины. Тут же затрещал автомат — короткая очередь прошла выше, выбив из бетонной стены облако ледяной крошки и пыли. Что-то горячее чиркнуло меня по плечу, и я на секунду решил, что уже ранен, но это была просто отскочившая щепка бетона.

— Лежать! Мордой в снег, твари! Руки за голову, башку прострелю!

Бежать было некуда — впереди глухой забор с колючкой, справа стена, слева обрыв к воде. Я упал на колени, потом лег животом на ледяной наст, закинув руки за голову. Снег мгновенно набился в рукава и за воротник, обжег щеку, и я лежал, чувствуя, как под курткой гулко, до тошноты, колотится сердце. Дэн рядом скулил от боли, схватившись за вывернутый протез.

Я повернул голову и посмотрел на него. У Костыля из разбитой губы текла кровь, на щеке налипла серая каша из

снега и мазута, а глаза были такие, что мне стало страшно смотреть. Так смотрят не на бандитов с автоматом, а куда-то внутрь себя, где уже все кончилось.

— Не дрыгайся, — прошептал я одними губами. — Просто не дрыгайся.

Через полминуты нас уже пинали берцами. Кто-то тяжелый наступил мне на спину, вдавив лицо в наст, и я почувствовал, как хрустит под щекой ледяная корка. Потом грубые руки вывернули карманы, вытряхнули на снег мелочь, ключи от квартиры, пачку снюса. Забрали мой старый складной нож и дешевые китайские смартфоны с разбитыми экранами.

— Поднимите, — коротко приказали сверху.

Меня рывком поставили на колени. Сверху подошел тот самый, с обрезом. Когда он скинул балаклаву, я увидел мужика лет сорока с обветренным, серым лицом северянина. На шее у него торчал старый шрам от трахеостомы, куда был вживлен дешевый голосовой модулятор — штука, которую ставят работягам после производственных травм. А левый глаз заменял грубый промышленный окуляр с тусклым красным диодом.

— Ну и кто это у нас тут? — проскрипел он металлическим, дребезжащим голосом из динамика на шее. — Малолетки с Росты. Свидетели.

Между «свидетелями» и «пиздюлями» у таких людей расстояние в одно слово. Я это понял сразу, по тому, как он да-

же не стал спрашивать наших имен.

Он переломил обрез, вытащил дымящуюся гильзу и сунул новую. Патрон вошел в ствол с мягким щелчком, и от этого звука у меня под ложечкой засосало сильнее, чем от выстрела.

— Мы ничего не видели, дядя! — быстро заговорил я, глотая ледяной воздух. Меня колотило так, что зуб на зуб не попадал. — Мы за цветметом пришли! Кабель резать! Клянусь, мы даже лиц не видели!

Одноглазый присел на корточки. Красный диод его окуляра тихо жужжал, фокусируясь на моем лице. Я видел в стеклянном зрачке собственное отражение: бледная мокрая рожа, разбитая губа, снег в бровях.

— Пиздишь. Инструмента при вас нет. На дело шли, — он сплюнул в снег. — Впрочем, похуй. Патроны на вас тратить неохота, да и в заливе вас весной все равно прибьет к берегу, лишний шум ни к чему.

Он поднялся, достал из разгрузки маленький портативный сканер и по очереди приложил его к нашим разбитым телефонам, сливая данные с сим-карт и чипов памяти. На экране замелькали зеленые строки, и я понял, что через минуту у него в базе будут наши адреса, фамилии, материнские карты и вся жизнь, которую мы так старательно прятали от ментов и от таких, как он.

Затем он кивнул своим:

— Тоха, тащи из багажника пару «панелей».

Один из амбалов сходил к «УАЗу» и вытащил два тяжелых, плоских кейса из потертого черного пластика. Он грубо швырнул их нам прямо в снег перед носом. Я присмотрелся: это были тактические голографические доски — запрещенные в России терминалы для подпольной «Арены Клинков».

Про эту дрянь в городе знали все, кто хоть раз лазил в даркнет. Внешне — складная доска размером с дипломат с сенсорной панелью и проекторами по краям. При запуске над ней разворачивалась плотная, пугающе реалистичная голограмма боевой арены, по которой двигались миниатюрные, словно живые, фигурки бойцов — с детальной мимикой, брызгами цифровой крови и сложной физикой боя. В России игру запретили пару лет назад. Официально — из-за того, что она провоцировала неконтролируемую агрессию, но на деле в прошивке использовались закрытые военные алгоритмы тактического прогнозирования. Подпольные синдикаты быстро прибрали их к рукам, устроив закрытые турниры и тотализатор, где богатые ублюдки из Москвы и Европы ставили огромную крипту на партии живых игроков.

Один из кейсов лег прямо перед Дэном. Костыль смотрел на него, как на гранату.

Одноглазый швырнул наши телефоны обратно в снег.

— Ваши адреса и рожи теперь у меня в базе, щеглы, — проскрипел он. — Дернетесь к ментам или попробуете слить доски барыгам — приедем и вырежем всех, кого найдете у себя в подъезде. Выбор у вас простой. Либо прямо сейчас в

полынью под лед, где шансов ноль. Либо берете эти ящики, валите по домам и до завтрашнего вечера разбираетесь, как эта херня работает.

Он посмотрел на свои старые электронные часы, на которых даже подсветка уже помирала, и потер пальцем треснувшее стекло.

— Завтра в девять вечера ждем вас на «Слипе», в подвале за старым доком. Отработаете по три партии в клубе — получите по полтиннику на рыло, оставите доски себе и пойдете гулять. Не придете или сольетесь всухую — найдем и утопим. Все ясно?

Амбал за моей спиной сухо щелкнул предохранителем автомата. Рядом чернела ледяная вода залива. Я посмотрел на Дэна. Тот весь дрожал, губы посинели, но он медленно потянулся здоровой рукой к ручке своего кейса и кивнул. Умирать прямо сейчас в грязном сугробе не хотел никто.

— Ясно, — глухо выдавил я, подтягивая тяжелую холодную доску к себе.

— Вот и славно, — проскрипел одноглазый, разворачиваясь к машине. — Валите с глаз долой, стратеги. Увидимся завтра.

Бандиты погрузились в «УАЗ», прихватив тело с причала, и через пару минут габариты машины скрылись за бетонными ангарами. Мы еще долго сидели в грязном снегу, слушая, как завывает ветер с залива, и сжимая в окоченевших руках черные пластиковые кейсы, которые стали нашим един-

ственным билетом на завтрашний вечер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.